

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКИХ МУСУЛЬМАН ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ВРЕМЕНИ

THE MODERN SYSTEM OF EDUCATION OF RUSSIAN MUSLIMS BEFORE CURRENT CHALLENGES AND THREATS

A. Fazliev
M. Galeeva
I. Nafikov

Annotation

The article is devoted to topical issues of development of traditional Islamic education in terms of socio-political transformation of Russia in 1990–2000-ies. The article also aims to analyze security problems from radicalism and extremism, the conceptual aspects of Islamic education development in Russia, namely within the boom of mosque construction, the formation of the Muslim communities and their organizational structures.

Keywords: Islamic studies, spiritual revival, Muslims, education, madrasah, radical groups.

Фазлиев Айваз Миннегосманович

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет

Галеева Марьям Арслановна

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет

Нафиков Ильсур Закирзянович

К.и.н., доцент, Казанский (Приволжский)
федеральный университет

Аннотация

Данная статья посвящена анализу концептуальных аспектов развития исламского образования в России. На фоне бума строительства мечетей, формирования мусульманских общин и их организационных структур в 1990–е годы обнаружились и проблемы, беспокоившие наше общество. Такие негативные явления как: дробление и нездоровое соперничество муфтиятов, административно-правовые препоны, мешающие конструктивной социально-духовной деятельности, возникновение на базе зарубежного влияния радикализма и экстремистских идей в молодежной среде.

Ключевые слова:

Исламские исследования, духовное возрождение, мусульмане, образование, медресе, радикальные группировки.

Начиная с середины 1990-х годов в течение 5–7 лет, к примеру, количество мусульманских приходов, ежегодно только в Татарстане, увеличилось почти на 100 общин, одновременно появилось 7 медресе (средних профессиональных учебных заведений). Первоначально, главными источниками пополнения этих структур кадрами стали, во-первых, люди старшего поколения – пенсионеры без специальной профессиональной подготовки, во-вторых, отправка в зарубежные религиозные учебные центры молодых людей на краткосрочные или более длительные курсы обучения [1]. При этом возвращение шакирдов, прошедших религиозную подготовку за рубежом в иных нетрадиционных условиях, проникновение неподходящей к местным условиям ваххабитского толка литературы, преподавание основных религиозных дисциплин в мусульманских учебных заведениях мугаллимами – учителями иностранных государств, слабые познания в религиозном учении основной массы имамов, занимающихся лишь ритуально-культовой деятельностью, стали основой для создания условий радикализации религиозного сознания и поведения части мусульманской молодежи [2–5]. Серьёзным сигналом в развитии ситуации в этом направле-

нии в 90-е годы стало участие ряда шакирдов медресе "Йолдыз" (г. Набережные Челны) в террористических группировках.

В начале 90-х годов ни религиозные структуры, ни государственные органы не оказались готовыми к своевременной оценке и адекватным действиям по взаимодействию в вопросах образования. Мусульманские институты были предоставлены самим себе при нейтральном отношении государства насущным нуждам и проблемам образовательной сферы мусульманской уммы [6, р. 7]. Вместе с тем, позитивное отношение государства и общества к религии подкреплялось конкретными шагами: празднование 1000-летия принятия православия, 1100-летия официального принятия ислама в Волжской Булгарии, принятие демократических законов "О свободе вероисповедования" (1990 г.), "О свободе совести и о религиозных объединениях" (1997 г.) [7, р. 47] и т.д. В русле этой политики в Татарстане в 1997–1998 гг. был предпринят ряд шагов, которые сыграли принципиальное значение для становления мусульманского образования. Во-первых, произошло укрепление госоргана по делам религии при Правительстве РТ с последующим

определением его функций в статье 7 республиканского закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" (1999 г.); Во-вторых, со стороны правительства было оказано содействие в организации объединительного съезда мусульман, что позволило структурировать мусульманские институты. В-третьих, при поддержке руководства республики в 1998 г. был основан Российский исламский университет [8, с. 79]. Ускорился процесс формирования и утверждения трехступенчатого уровня образования: иптадийа (начальное), санавия (среднее), галия (высшее) [9, с. 36].

Причем вопрос регистрации и получения лицензии на образовательную деятельность мусульманскими учебными заведениями рассматривался с двух точек зрения:

1. Сторонники тотального контроля намеревались осуществить регистрацию и лицензирование на всех ступенях образовательной деятельности. На практике такая процедура оказалась невыполнимой.

2. В реальной жизни утвердилось обеспечение государственной лицензией только средних и высших ступеней профессионального религиозного образования, т.е. это касалось тех учебных заведений, которые готовили профессиональных служителей религии.

Такие вопросы как: наличие преподавателей, прошедших подготовки в местных медресе; учебная литература, соответствующая местным мусульманским традициям и труды татарских теологов-джадидов; соотношение светских и религиозных предметов в учебных программах; руководящий состав мусульманских учебных заведений с религиозным и высшим образованием, сходно за один учебный год решить эти вопросы было невозможно. Поэтому в их решении требовалось настойчивость и последовательность на протяжении ряда лет. В 1999–2000 учебном году все учебные заведения уже имели единую программу.

Определение уровня учебного заведения и придание статуса "среднее" или "высшее" – прерогатива учредителя, т.е. ДУМ. Хотя лицензия на высшее религиозное образование предоставляется федеральным министерством образования и науки, тем не менее, практикуется самоназвание "высшее" и при получении лицензии на республиканском уровне (например, Высшее медресе "Мухаммадия", Высшее медресе "им. 1000-летия принятия ислама" в Казани). Ориентир был взят именно на интеграцию религиозного образования в образовательное пространство России. С учетом этого обстоятельства РИУ с момента основания по своей организационно-правовой форме стал негосударственным высшим профессиональным образовательным учреждением, обладающим правом выдачи диплома государственного образца и позволяющим решать социальные проблемы выпускников, расширяя возможности их трудоустройства.

В мусульманской образовательной сфере, к примеру, на начало 2007 года приходилось 75 зарегистрированных средних и высших учебных заведений, а их общее число составило 239, из них 26 – это высшие учебные заведения и 203 – средние [10, с. 100]. Исламская умма конца XX – начала XXI века, многоуровневая структура, решающая в зависимости от векторов своего развития целый ряд задач. На примере Татарстана, по словам одного из мусульманских деятелей Валиуллы хазрата Якупова, мусульманское духовенство – это сложный конгломерат, переживающий динамический процесс трансформации. Оно постепенно наращивает авторитет в обществе, а, значит, и политический вес [11, с. 25].

Развитие мусульманской уммы в контексте данных векторов все чаще определяет основные "локомотивы", самый важный среди которых – образовательный дискурс. При этом, определяя особенности ислама в России в рамках терминологии, возникает некая разобщенность понятий: "татарский ислам", "русский ислам", "евроислам" [12, с. 55], "традиционный ислам". По мнению Р.М. Мухаметшина, мусульманское сообщество у татар стало формой выживания в инновационной среде, что требовало от ислама мобильности, гибкости и приспособляемости к новым условиям [13, с. 221].

Понимание "традиционного ислама" в России скорее носит поисковый характер с тем, чтобы найти такие точки опоры в исламских традициях, которые обеспечивают спокойное и устойчивое развитие общества. В частности, в Кабардино-Балкарии ислам несет в себе традиции балкарцев, кабардинцев, в Чечне, Ингушетии – чеченцев, ингушей, в Дагестане – традиции народов многонациональной республики в симбиозе с шафиитским или ханафитским мазхабом, в Татарстане, Башкирии – традиции татар и башкир с ханафитским мазхабом. На Северном Кавказе традиционным исламом многие считают суфийские тарикаты и ордена, которые существовали столетиями и сохранили традиции народов, уважение к предкам. Формирование исламских традиций в Волго-Уральском регионе построено на неизбежности взаимного сосуществования двух крупных религий – ислама и православия. В России – это прогрессивный ислам, опирающийся на традиции татар-мусульман и динамично развивающийся в соответствии с действующим законодательством на правовой платформе государственно-конфессиональных отношений и межконфессионального диалога.

В условиях глобализации и необходимости интеграции мусульманской уммы в общественно-культурную жизнь страны и российское образовательное пространство, актуальным становится создание конкурентоспособной системы образования применительно к исламскому миру. В Западной Европе обосновалось от 10 до

12 миллионов иммигрантов, чьи родители или они сами приехали из стран, принадлежащих к мусульманскому миру [14, р. 12]. Для России данный вопрос не менее актуален. Миграционная ситуация подчеркивает, что представители Средней Азии и ряда стран, как ближнего так и дальнего зарубежья, где мусульмане составляют большинство, являются наиболее активными субъектами [15, р. 69]. В отличие от стран Европы, в России имеется положительный опыт межконфессионального диалога и сильные традиции ислама. Тем самым, при структурном планомерном формировании системы мусульманского образования, программа адаптации в соответствии с традиционным исламом в России предполагает положительный итог.

Следующий значимый вектор – это противодействие радикализации подрастающего поколения, профилактики экстремизма и препятствования нетрадиционным течениям [16, р. 134]. Россия XXI века – это государство, имеющее программу реализации социально-экономического потенциала до 2020 года и разрабатывающее программу мероприятий по формированию российской нации до 2025 года [17, с. 181].

В вопросах содержания образования определяются следующие направления и достижения в них. Наряду с традиционными формами обучения развиваются и цифровые технологии (например, дистанционное обучение). Лекционные и семинарские занятия дополняются ранее неизвестными для сферы конфессионального образования коллоквиумами и индивидуальными репетиторствами. Оценка успеваемости основывается на процентном соотношении согласно внедряемой балльно-рейтинговой системе, что, безусловно, является инновационным в формировании современной системы исламского образования.

Таким образом, исламский образовательный дискурс в вопросах развития мусульманской уммы и ее интеграции в общественные процессы с тем, чтобы обеспечить мирное сосуществование и диалог религий, является исключительно важной стороной социокультурного развития общества [18]. В процессе своего функционального воздействия именно социокультурные факторы становятся значимым рычагом обеспечения сбалансированности и устойчивости российского полиэтноконфессионального государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фазлиев А.М., Нафиков И.З. Педагогика и образование в сфере духовной культуры и воспитания молодёжи в 1990–2000-е гг. / А.М. Фазлиев, И.З. Нафиков // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 1. – С. 143–146.
2. Shahram Akberzade, 2012, Routledge handbook of political Islam, London: Taylor and Francis.
3. "The Political philosophy of Islamic resurgence," Cultural Dynamics, Vol. 13, # 2. Summer 2001.
4. Ahmad, M., 1999. Moderate and radical Islamic fundamentalism: The quest for modernity, legitimacy, and the Islamic state, Gainesville, FL: University Press of Florida.
5. M.A. Muqtedar Khan, 2004. "Islamic States" in Mary Hawkesworth and Maurice Kogan Eds. Encyclopedia of Government and Politics, New York: Taylor and Francis.
6. Yvonne Y. Haddad, John o. Voll, and John L. Esposito, 1991. The Contemporary Islamic Revival: A Critical Survey and Bibliography, Westport, CT: greenwood Press, pp: 272.
7. Bourdeaux, M. Trends in religious policy, 2002. Eastern Europe, Russia and Central Asia 2003. Third edition: 46–49.
8. Новые кадры для новой России: Сборник научных трудов. – Нижний Новгород, 2009. – 96 с.
9. Векторы толерантности: религия и образование / Под ред. Р.А. Набиева. – Казань: "Магариф", 2006. – 238 с.
10. Силантьев Р.А. Ислам в современной России. Энциклопедия. – М.: Алгоритм, 2008. – 576 с.
11. Якупов В.М. Ислам в Татарстане в 1990-е годы. – Казань: "Иман", 2005. – 117 с.
12. Хакимов Р.С. Где наша Мекка? (Манифест евроислама). – Казань: "Магариф", 2003. – 52 с.
13. Мухаметшин Р.М. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX в. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. – 246 с.
14. Taha Jabir Al-Alwani, 2004. Toward a fiqh for minorities (some reflections). Muslims' place in the American public square: hope, fears, and aspirations / edited by Zahid H. Bukhari ... [et al.]. AltaMira Press, pp: 3–37.
15. Omar Khalidi, 2004. Living as a Muslim in a pluralistic society and state. Muslims' place in the American public square: hope, fears, and aspirations / edited by Zahid H. Bukhari ... [et al.]. AltaMira Press, pp: 38–72.
16. Gest, J., 2010. Apart: Alienated and Engaged Muslims in the West, New York: Columbia University Press, pp: 288.
17. Игнатенко А. Эпистемология исламского радикализма // Религия и глобализация на просторах Евразии / Под ред. А. Малашенко и С. Филатова. – М.: "Неострон", 2005. – С. 175–221.
18. Фазлиев А.М., Нафиков И.З., Бродовская Л.Н., Буравлева В.В. Векторы толерантности: культура, религия и образование // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 2. – С. 79–84.